

глав своего войска сатиров и вакханок всю переднюю Азию. Ср. *Prologus Nonus*.

Ст. 50 сл. Это—руководительный мотив. Так изображать должно Эсхил в своих „Чесальщиках“ (вмше стр. 202); мы заключаем это из ст. 24 сл. его „Евменид“. У Еврипида Пеней тоже (вмше ст. 780 сл.) мечтает об этом походе, но до него дело не доходит.

Ст. 55 сл. Это—лидийския вакханки, хорь трагедии. Их присутствие перед дворцом Пенее чувствуетея, как нечто несогласное и чуждое условно; когда Пеней (вмше ст. 511 сл.) на них обращает внимание, угрожая им рабством, то—в виду удобоисполнимости и все же неисполнения этой угрозы—условно этим не устраниется, а только подчеркивается. Здесь сказывается связанность поэта единством жета: если он хотѣлъ вывести хорь вакханок, то у него другого средства не было. Эсхил в силу своего трилогического принципа этим единством связан не был: перевозо дѣйствіе из царской столицы на Пакей или Киверонъ, оны могъ образовать хорь тамъ—изъ подлинныхъ царь („Эвменид“, „Пеней“), здесь—изъ вакханок („Басариды“, „Чесальщики“).

Ст. 64—167. Пародъ воспроизводитъ, насколько это было возможно на сценѣ, священное дѣйствіе дionисическихъ таинствъ. Строчка I содержитъ общее вступленіе: хорь объясняетъ, откуда и ради чего оны явились. Антистрочка I и вторая пара строчекъ даютъ эсотерическую часть; передъ ней, по обычаю, удаляются непосвященные, а посвященнымъ приказывается соблюдать „благорѣчіе“ (антистр. I). Затѣмъ слѣдуетъ 1) сообщеніе свѣдѣній истинъ, лежащихъ въ основѣ культа (стр. II); здесь подъ „оргіемъ матери Кибелы“ разумѣется игра на тимпанѣхъ, о которыхъ сравн. антистр. III, и 2) сообщеніе святого мѣтѣмъ о рожденіи Діониса.—Далѣе идетъ, до конца пароды, эсотерическая часть, содержащая призывъ евангельствъ дѣла себя посвятить въ таинства Діониса—спеціально мужской части населенія, такъ какъ женская уже служитъ новому богу на Киверонѣ. Описываются символы культа (стр. III) и затѣмъ спеціально типаны (ант. III). Такъ какъ посылки встрѣчались также и въ культѣ фригійской Великой Матери боговъ, то предполагается, что она отсюда и заимствована; а такъ какъ эта Матерь отождествлялась съ критской Реей, матерью Зевса, то поэтъ представлялъ себѣ исторію типановъ слѣдующимъ образомъ. Когда Рее родила послѣднимъ, Зевса, она пожелала скрыть младенца отъ своего мужа Кроноса, который уже поглотилъ своихъ и ея старшихъ дѣтей. Для этого она отвела его въ Диктейскую пещеру на Критѣ и приставила къ нему своихъ слугъ, куретовъ, чтобы они шумной игрой заглушали крикъ младенца; съ этой цѣлью и были ими изобрѣтены типанъ. Когда Зевсъ выросъ, типанъ былъ за ненадобностью оставленъ въ пустомъ гротѣ; тамъ его нашли корибанты, слуги Великой Матери, и приобщили къ священнодѣйствіямъ своей богини. А у нихъ его опять выпро-

силъ слуги Діониса, сатиры, черезъ которыхъ оны достался вакханкамъ. Все это, конечно, догадка—вѣроятно, самое поэти.—Въ заключеніе надо дать общую картину вакхической триады.—Стоитъ обратить вниманіе, какъ часто здесь повторяется имя Діониса, особенно въ концѣ строчекъ.

Ст. 171. Кадмъ былъ сыномъ сидонскаго царя Агенора. Отецъ отправилъ его искать его похищенную Зевсомъ сестру Европу, запрещая возвращаться безъ нея. Европу оны разлутыли, не нашли; рѣшивъ остаться въ Гречии, они основали Фивы.

Ст. 193. Стихъ буквально замѣстываетъ Еврипидамъ изъ „Филологъ“ Софокла (см. Софокль III 278). По античнымъ повѣстямъ, это не пародія, а дань уваженія.

Ст. 200—03. Замѣнительны стихи. Очень правдоподобна догадка, что въ ст. 202 Еврипидъ намекаетъ на пресловутое атеистическое сочиненіе софиста Протагора и агла „Низвергающіи рѣки“ (*Kataballontes logoi*).

Ст. 266—327. Аполлогія Діониса. Что ея породило въ рукописныхъ перепутанъ, въ этомъ, кажется, всѣ издатели согласны; подтвердилъ ее (въ Филологическомъ Обозрѣніи 1894) асесторонней разработкѣ, я хѣлъ даю ее въ восстановленномъ мною видѣ. Для этого, правда, мнѣ пришлось перевести ее всю заново.—Состоитъ она изъ слѣдующихъ частей: 1) Вступленіе: складность рѣчи похвала въ похвалымоу дѣлу и вредна въ предостереженіи (ст. 267 читаю *εὖ ῥητορὸν κἀὲ πρὸς τὸ πρῶτον ἴδεναι*; порча эта равная, такъ какъ ея читалъ уже Паутартъ Алекс. 53). 2) Положительная часть: Діонисъ сравнился съ двумя величайшими божественными началами, олицетворяемыми въ Деметрѣ (Еврипидъ хѣль принимаетъ орфическое отождествленіе Деметры съ Землей) и Аполлономъ. Съ Деметрой тѣмъ, что данъ людямъ въ пищу а) влажную пищу (какъ Деметра въ хѣбѣ—сухую), б) снотворное средство (какъ Деметра—макъ) и в) въ видѣ возлѣзній средство общенія съ другими богами (какъ Деметра въ предерживенныхъ *οὐαί, τ. е. ποσὴ*). С Аполлономъ (шпечатаемые курсивомъ стихи должны мною) а) заромъ флейты въ противозвѣ къварѣ, б) пророческое даромъ (о которомъ ср. „Гекуба“ ст. 1267 и комм.) в) военной силой—панхой* (т. е. собственно наговымъ; Пакомъ страхомъ, о которомъ въ Афинахъ говорили послѣ мартовской битвы; Панъ тоже, подобно сатирамъ, вступалъ въ свиту Діониса), г) предостичимъ обнимъ владычествъ Парнасской горой.—3) Отрицательная часть: опроверженіе уклянія Пенее а) на якобы безправственный характеръ Діонисовыхъ таинствъ, б) на смѣхотворность мѣно о томъ, что Діонисъ былъ захвачъ въ бѣдѣ Зевса. Любопытно послѣднее опроверженіе: этотъ мѣно, который вакханки принимаютъ въ буквальный смыслъ (ст. 96 сл. и 323 сл.), Тиресій толкуеть въносказательно, играя тождественностью словъ *εὐρεῖσθαι* (бѣдро) и *ἔλατρεσθαι* (заложникъ). Игру эту передать по-русски невозможно; И. 6. даже оставилъ греческія слова:

Иль бурею съ годами і здрѣ
 Въ устахъ народа вышла.

Это не рационализм — Терсией не устранится чужд, а замѣнитъ его другимъ, — а аполлоновское благорѣчивое толкованіе въ родѣ тѣхъ, которые мы находимъ у Пиндара. — 4) Заключеніе.

Ст. 337 сл. Зѣвс древнѣйшая форма мѣна обѣ Актеонѣ. Намъ болѣе интересенъ ирригой александрийскій вариантъ, согласно которому Артемидою обрѣка его смерти за то, что онъ случайно увидѣлъ ее въ купели нагор.

Ст. 364 сл. Эти грустные слова не соотноствуются радостному подъѣму въ ст. 180 сл.; какъ видно, атмосфера чужд развѣивана вторженіемъ безстрашій въ лицѣ Пенеев: передъ нами два обыкновенныхъ старика.

Ст. 367. Въ подлинникѣ опять игра словъ — этогъ развѣ трагическая: Penibes и penibes (скорба). Ср. Софокл., „Аянтъ“ ст. 430 и мой комм. къ этому стиху.

Ст. 370—431. Первый стасимъ. Строфа I обращена къ Правдѣ (греческ. Гесіа, 'Οία, т. е. той же Правдѣ, поскольку она вѣдѣетъ отношеній между людьми и богами); Пенеей оскорблялъ Діониса, но не владыку оргазма — его онъ не зналъ, — а того, сущность котораго ему раскрыть Терсией, благосклоннаго друга человечества, принесшаго ему даръ вина. Отсюда переходъ къ антистрофѣ I: „конецъ такому вѣщанью — вѣщанью“. Зѣвс Еврипидъ говоритъ про себя, грустно оглядываясь на стремленія своей жизни. Онъ имѣетъ въ виду двойную награду вѣры: внѣшнюю, которой требуетъ народъ (благополучіе въ жизни), и внутреннюю, которая была бы дорога ему — споконную отъ волнений души. Къ чему гонятся за недостижимымъ, жертвуя Діонисовымъ счастьемъ — минутными радостями жизни? — Отсюда переходъ къ строфѣ II: мечта о тѣхъ странахъ, гдѣ люди умѣютъ наслаждаться жизнью: Кипрѣ (въ тѣсномъ смыслѣ), Паросѣ и особенно — македонской Періи, которая теперь была пріютомъ поэта. Тоска по этой счастливой странѣ высказана отчасти отъ имени поэта, отчасти отъ имени вакханковъ; синтезъ даетъ антистрофа II: богъ вакханковъ и есть тотъ богъ, котораго жаждетъ утомянная душа поэта — другъ благодатной Ирины, богини мира. И притомъ всякаго мира: и международного („кормилца молодежи“, котораго губитъ Аресъ), и социального (Діонисъ одинаково одарилъ и богача и бѣдняка; ср. введеніе стр. 203), и, наконецъ, внутреннего въ душѣ человека.

Итакъ, вотъ dilemma. Пенеей — это стремленіе впередъ, неудовлетворенность; это — душа, задавшаяся слѣшкомъ высокой цѣлью, ради которой она пренебрегаетъ минутными радостями жизни; душа, обуруемая сложными, томными неустанной работой мысли, не знающей предѣловъ себя. Діонисъ — это уравновѣженность, блаженное пребываніе въ указанныхъ природою предѣлахъ; это — душа, берущая у жизни съ благодарностью все, что она даетъ, находящая удовлетвореніе и счастье въ тѣсномъ, но уютномъ кругу народныхъ вѣрованій и обрядовъ.

А что такое Еврипидъ? Это — Пенеей, но Пенеей, познавшій себя и тоскующій по недоступномъ ему Діонисѣ.

Ст. 443—48. О побѣдѣ этой части олимпійскыхъ вакханокъ см. выше стр. 190.

Ст. 508. Такая же трагическая игра словъ, какъ и выше ст. 367.

Ст. 511. Объ этомъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ Пенеей обращаетъ вниманіе на вакханокъ хора, см. выше къ ст. 55 сл.

Ст. 519—575. Второй стасимъ. Трагическая грусть бога, состоящаго своей милостью къ людямъ и отвергнутой ими, нашла себя откликъ въ строфѣ: Пропуска передъ ст. 519 я не признаю (его не чѣмъ заполнить), скорѣе мнѣ кажется подложнымъ первый стихъ антистрофы, портійей ее начало. — Дирцея, оиванскій ручей, здѣсь символъ самихъ Фивъ; развѣ Діонисъ родился въ Фивахъ, то ясно, что онъ былъ омытъ водою Дирцеи. Она — точѣ Ахелос, поскольку эта рѣка была мифическимъ истокомъ всѣхъ греческихъ потоковъ. Темное слово Dithyambos Еврипидъ, повидимому, объясняетъ (неправильно) Di—thym—am (=ana)—bas, т. е. „взошедшій черезъ дверь Зевса“. — Въ антистрофѣ хоръ переходитъ къ Пенеею. Его сходство съ гигантами состоитъ исключительно въ его богоборствѣ (такъ, у Аристофана Обл. 853 Сократъ съ его учениками за то же качество такъ названы), а ничуть не во внѣшней видѣ. Эподъ опять, какъ и вторая строфа перваго стасима, внушаетъ желаніемъ почтить радужнаго хозяина Еврипидъ, Архелая македонскаго. Ради него онъ и чудеса Орфея, заимствованная изъ „Бассаридъ“ Эсхила (выше стр. 197), перенесъ съ ераклийскаго Панагеа на македонскій Олимпъ. — Аксий (и Вардларъ) — главная македонская рѣка; Лидіи (и. Могаеница) — его притокъ; на немъ царская столица Пелаа.

Ст. 616—641. Чудеса Діониса. Ись по обычному тексту четыре: 1) Пенеей принимаетъ быка за Діониса и пытается выжать его (это — для того, чтобы дать Пенеею возможность провиниться передъ Діонисомъ, не заставляя бога прерывать увеселеніе); 2) землетрясеніе и призрачный пожаръ (чтобы дать Діонису возможность освободиться: землетрясеніе разверзаетъ двери, пожаръ отлекаетъ вниманіе Пенеей); 3) Діонисъ создаетъ призракъ, съ которымъ Пенеей вступаетъ въ бой; 4) Діонисъ разрушаетъ — очевидно, путемъ новаго землетрясенія — дворецъ Пенеея. — Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что 1) послѣ первой пары вторая безцѣльна, 2) что вторая параллельна первой, 3) что, какъ видно изъ предъидущей сцены ст. 576—603, серия чудесъ завершалась призрачнымъ пожаромъ, 4) что четвертое чудо не согласуется съ дальнѣйшимъ — дворецъ Пенеея стоитъ неразрушеннымъ на мѣстѣ, въ него входятъ и изъ него выходятъ, 5) равнымъ образомъ и третье чудо не согласуется со ст. 648: Пенеей спрашиваетъ въ виду только первое чудо; послѣ третьяго онъ долженъ былъ бы спросить: „какимъ образомъ ты живъ, когда я тебя заколовъ?“. — Отсюда слѣдуетъ, что вторая пара — не болѣе какъ вариантъ

первой; а в повествов. ее поютку подл. текстомъ. Все же это на-
рнеть древнй, быть можетъ, самого Еврипида; его читалъ уже Гораций
(Оды II 18, 14).

Ст. 632 воспоминаемъ мною по догадкѣ.

Ст. 717. Предполагается, что зтогъ „бывалый человекъ“ услышалъ о
прнкѣ Пенюс, давномъ въ ст. 228. Хронологію согласовать можно.

Ст. 756 сл. Пробѣлъ дополняемъ мною по догадкѣ, на которую мнѣ
навелъ Соф. Ам. 264 сл.: проба тжестн составляется съ пробой огня.
Земл. законы къ вакханкамъ и освобождаетъ ихъ отъ своей тжестн. Еще
дальше въ зтомъ направленіи—я мы получимъ деганіе среднствѣко-
ннхъ вѣдѣкъ (извращеніе и опощеніе того же діонисическаго оргазма),
подготовленное уже и въ древности пареміемъ гиперборейцевъ, пваго-
репейвъ и т. под.

Ст. 792. Рассказъ пастуха навесъ еще одно пораженіе уму Пенюс. До
него онъ предполагалъ снова заключитъ въ тюрьму мнмаго волхва
(ст. 632 сл.); теперь онъ радъ оставить ему свободу, лишь бы освобо-
днться отъ него.

Ст. 795. Въ подлинникѣ то же выраженіе (τρίς χίματα λανθίζω), какъ и
въ аналогичномъ мѣстѣ Дваній Апостоловъ (IX 5), чѣмъ и оправданъ
русскій переводъ.

Ст. 837 сл. Тутъ смѣсъ требуетъ такой перестановки: 837, 842, 838,
чѣмъ задно спасется и стлзовеніи. Получающійся между 842 и 838
пробѣлъ воспоминаемъ мною по смыслу.

Ст. 862—911. Третій стасимъ, уже не грустный, а торжествую-
щій. Со строфы възтъ идеалическнхъ счастья въ поэтическомъ сравне-
ннхъ освобожденной вакханки со спасшейся отъ облавы ланью—и влругъ
рѣшнй крикъ злобнаго торжества надъ врагомъ въ припѣвъ 877 сл.—897 сл.
съ варварскнхъ толкованіемъ гуманной греческой послонннхъ, что пре-
красно, то мило всегда* (на эту тему, согласно Теофрасту ст. 17, вѣли
Музы на свадьбѣ Кады и Гармонн).—Въ антистрофѣ старн мысль
„медленно меланцы мелютъ боговъ, но старательно мелютъ“ развивается
какъ подкрѣпленіе вѣры въ божій промыселъ; а такъ какъ тутъ Еври-
пидъ затрагиваетъ большое мѣсто своей души, то въ энхоръ онъ охотъ
говоритъ отъ себя, прославляя душевной мнръ какъ единственное про-
чное благо.

Ст. 1036. Пробѣлъ воспоминаемъ по смыслу.

Ст. 1056. Пеней не видитъ вакханокъ, которыхъ видитъ, однако, его
слуга,—въ силу той же вакханческой порожженности его глазъ, о которой
свидѣтельствовали ст. 918 сл. Выбѣтъ съ тѣмъ, какъ видно изъ слѣдую-
щаго, сладострастан. картина продолжать вѣтнть передъ ннмъ.

Ст. 1169 сл. Какъ рассказываетъ Плулархъ (Крассъ гл. 33), мѣлкая
греческая трупа какъ разъ исповндала „Вакханокъ“ въ придворномъ о-
патѣ парійскаго шара, когда выдасъ гоноецъ изъ Каррѣ съ вѣстью о
побѣдѣ надъ римлянами и съ головой римскаго полководца Красса.

Тогда исполнившій роль Агамы актеръ наткнулъ эту голову на тирсъ и
съ ней сталъ пѣть наши стихи:

Несемъ съ Клоерона
Уловъ свой счастливый,
Трофей зтогъ свѣжій—
Кистъ павоха къ чертогамъ...

Ст. 1297 сл. Здѣсь связь мыслей требуетъ такой перестановки: 1297, 1301—
29, 1298—1300, при чѣмъ пробѣлъ между 1329 и 1298 воспоминаемъ по смы-
слу. Дальше сѣлаовать плачь Агамы, о которомъ мы имѣемъ нѣко-
торое представленіе благодаря слѣдующимъ свидѣтельствамъ. Во-первыхъ,
риторъ Лонгинъ (а не Аполонъ, какъ утверждаютъ всѣ издатели, очевидно
сплсивая другъ съ друга) въ своей риторикѣ (I, 2 изд. Spengel-Hammer),
говоря о средствѣхъ возбужденія жалости, совѣтуетъ слѣдующее: „если
убитый погибъ насильственной смертью, то можно возбуждать жалость,
перечисляя раны, рассказывая способъ убійства. Такимъ-то образомъ
Еврипидъ возбуждаетъ жалость о Пеней: его матъ беретъ въ руки ка-
ждую часть его тѣла и каждую оплакиваетъ“.—Во-вторыхъ, намъ сохра-
нены въ цитатахъ отрывки изъ этого плача Агамы; изъ нихъ главный
тогъ, который приводитъ схоластика на Аристоф. Паут. 907:

Когда бы въ руки не свою я скверну
Возла...

Наконецъ, авторъ безыменной византійской драмы „Страсти Христовы“,
составившій ее съ благочестивою цѣлью изъ мелкихъ ключковъ языче-
скихъ трагедій, имѣлъ передъ собою еще цѣльный экземпляръ „Вакха-
нокъ“ и для своего плача Богородицы воспользовался рядомъ стиховъ
изъ плача Агамы, которые и удалось извлечь изъ его центова; это слѣдующіе:

- 1311 Тебя я мертва въ рукахъ держу!
О, какъ могла бы бережно, мой милый,
Къ груди своей тебя прижать, оплакать...
1256 Какъ приласкать растерзанные члены,
Облагодѣль мной вскормленную плоть?
1466 Давъ, старце, голову несчастной жертвы
Привадемъ къ тѣлу и, насколько можемъ,
Его останки воссоединимъ.
О милый ланъ, ланиты молодой...
Нѣтъ, нѣтъ, покровомъ осѣнимъ главу!
О образъ окровавленный, о члены
Избородчатые...
1122 Какимъ мнѣ слезамъ тебя покрыть?
Чѣмъ руки вѣрныя тебе омоютъ?

Для рѣчи Діониса, слѣдовавшей за плачемъ Агамы, тоже можно
извлечь нѣсколько стиховъ изъ той же византійской трагедн. Во-пер-
выхъ, объ участи Пенюс:

- 1864 Дерзнулъ въ окна бога захвать
И повесить кокушениномъ рывкомъ.
1863 За это смерть онь претерпѣлъ отъ тѣхъ,
Кому онь былъ дороже вѣхъ на свѣтѣ.
1867 И жертвой палъ онь справедливой кары.

Занѣмъ объ участи Агавы и ея сестеры:

- 1874 Въ возмездіе за пролитую кровь
Оставте горюху эту: благосетье
Не долговѣетъ жить убійцѣ рядомъ
Съ могилкою убитого.

Наконецъ, объ участи Кадма:

- 1889 Твою-жъ судьбу повѣдалъ тебѣ

— послѣ чего скоро слѣдовалъ ст. 1330 сл. нашей трагедіи.

Ст. 1330 сл. Последніе испытанія и метаморфоза Кадма не связаны съ трагедіей и возникли какъ самостоятельный мѣсто. Культъ Кадма существовалъ также въ Иліадѣ; здѣсь онь почитался какъ герой-родоначальникъ дикаго племени тителеевцевъ и представлялся, какъ вообще геронородоначальники (Кекропъ и др.), въ образъ змѣи. Отсюда возникло преданіе, что онь, оставивъ на старости лѣтъ Фивы, отправился въ Иліадію и былъ тамъ превращенъ въ змѣю. Но по виванскому преданію Кадмъ послѣ смерти былъ перенесенъ на острова блаженныхъ, какъ зеть богъ Ареса; эти два преданія Еврипидъ здѣсь соединилъ. Соединительнымъ звеномъ послужило ему предсказаніе, данное нѣкогда тителеецамъ, о которомъ говоритъ Геродотъ IX 42 сл. Исторія сохранила преданіе объ ихъ опустошительномъ походѣ въ Элладу; по этому поводу оракулъ ихъ предсказалъ, что имъ суждено побѣждать до тѣхъ поръ, пока они не разграбятъ дельфійскаго храма, но что послѣ этого имъ придется погибнуть.

Ст. 1372 сл. Здѣсь опять пробѣжь, но сохранивъ слова „Аристеева сына“ указываютъ ясно на смыслъ пропущеннаго.

Заключеніе. Отсутствие въ античныхъ рукописяхъ сценическихъ ремарокъ ставитъ насъ въ затруднительное положеніе вѣдѣть тамъ, гдѣ на первый планъ выступаютъ пантомимы. Допущенный мною исходъ, разумѣется, не можетъ быть строго доказанъ; но въ его пользу говорить слѣдующія соображенія.

1) Психологически невозможно, чтобы Агавы ушла со сцены въ убранныхъ вѣлкахъ, которое ее погубило; а если она его бросила, то самымъ подходящимъ мѣстомъ для этого были ст. 1383—87. Такъ и въ „Агамемнонѣ“ Эсхила—Кассандра, прежде чѣмъ встрѣтитъ смерть, сбрасываетъ съ себя передъ статуей Аполлона символы пророчныя, ст. 1264: „къ чему я, точно на посѣщеніе, хранию эти знаки, посохъ и пророчскія тесьмы вокругъ головы? Вась-то я погубила раньше собственной своей гибели. Проще, стнуйте вы — и я скоро за вами послѣдую; другого мѣста менѣ

ниграждаете горемъ!“—при чемъ и обращая особое вниманіе на сходство этого послѣдняго стиха съ послѣдними словами Агавы.

2) А если это такъ, то спрашивается, какъ богъ отплатилъ на это новое оскорбленіе. И этотъ вопросъ идетъ навстрѣчу другому: какъ вообще могла Агавы прожить жизнь послѣ того, что она испытала?

3) Наконецъ, мнѣ думается, что поэтъ и другимъ путемъ наводитъ насъ на этотъ самый исходъ. Дѣйствительно, по обычному, независимому отъ Еврипида мнѣю Агавы и въ стѣхъ съ Кадмомъ отправляется въ изгнаніе. Здѣсь, напротивъ, Кадмъ уходитъ одинъ; къ чему это уклоненіе и обособленіе Агавы? Мое предположеніе даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

А впрочемъ, за несомнѣнное я его не выдаю. Но и никакое другое построеніе заключенія не можетъ быть выдано за несомнѣнное; а что мое мнѣе, по крайней мѣрѣ, преимущество красоты—въ этомъ читатель, надѣюсь, согласится.

IV. ГЕКУБА.

Измѣненія допущены въ слѣдующихъ стихахъ: 13—15; 32, 51; 53—58; 72; 87—89; 92; 106; 144; 238; 246; 249; 252—55; 258—61; 269—70; 277—78; 286—88; 293—94; 296; 302; 306—10; 320; 324; 326—31; 345—47; 351—52; 354; 357; 359; 362; 375—78; 394—95; 398—401; 413—14; 423—25; 429; 436—37; 441—43; 449; 458—61; 501; 510; 514; 517; 539; 545; 560; 566—67; 611—16; 626—28; 644—49; 661—64; 667—69; 674; 676—77; 682; 686—87; 689—92; 705—06; 731; 745—46; 756; 758—61; 764; 771; 778—82; 785—86; 789; 795—801; 805; 808—11; 814—21; 828—32; 846—49; 852—55; 857—58; 866—67; 870—73; 884; 935; 945; 950—52; 960; 990; 998; 1004; 1008—09; 1017; 1021—22; 1040—41; 1044; 1047—48; 1054—55; 1114; 1158; 1160—62; 1171; 1173; 1176—84; 1189—93; 1208—09; 1212; 1214—16; 1220; 1229; 1237—39; 1250—51; 1259; 1261—63; 1265; 1270—74; 1277; 1279; 1281.

Ст. 37 сл. Какъ могъ Ахиллъ, хотя бы и приобщенный къ лику „героевъ“, остановить вѣтры Геллеспонта? Очевидно, мы имѣемъ здѣсь уже представленіе объ Ахиллѣ-Понтархѣ (см. къ Амвр. 1259), ахиллъ моря, каковыя имя его знали греческіе колонисты, м. пр. въ Оліанѣ. Яснѣе это выразилъ Сенека въ своихъ „Троичанъ“: ст. 176 et pontus s'au m' adesse Achillen sensit ac stravit vada.

Ст. 68 сл. Въ чемъ состоялъ сонъ Гекубы? На этотъ вопросъ мы не получаемъ опредѣленнаго отвѣта. Поскольку онь касался Полидора, дѣло ясно: сонъ относится виднѣе лани, о которомъ говорится ст. 90 сл. Но поскольку онь касался Полидора, мы тераемся въ догадкахъ. Изъ словъ самого Полидора можно бы заключить, что онь явился матери и рассказавъ про свою участь — и что Гекуба, значитъ, видѣла два различныхъ сна. Но противъ этого говорить слѣдующее: 1) Гибель Полидора, какъ сына, была для Гекубы горестнѣе участи Полидора—а между тѣмъ мы видимъ, что въ слѣдующихъ сценахъ она, все занятая Полидоромъ, совсѣмъ забываетъ о Полидорѣ.—2) Изъ ст. 429 видно, что Гекуба только

Aufklärung 418 сл.). По-моему, дѣло объясняется синтетическимъ значеніемъ греческаго слова *nomos*—„законъ“, а также и „вѣра“ (въ боговъ)—при государственномъ характерѣ греческой религіи синтезь понятный.

Ст. 816. Тоже знаменитый стихъ (по-гречески шарней людей названа *Ρειθήδ*, собств. „Убѣда“). Тогда обученіе риторикѣ было еще новинкой въ Аѳинахъ; впервые ввелъ его Фрасимахъ халкедонскій, и незадолго до „Гекубы“ молодой Аристофанъ въ своей первой комедіи „Сотрапезники“, поставленной въ 427 г., осмѣялъ это новшество.

Ст. 859. Хотя *Mittau* и удерживаетъ рукописное чтеніе *τὴ δὲ αἰεὶ ῥῆσι*, все же я думаю, что Н. Θ. правильно принялъ конъектуру Эзмелли *τὴ δ' αἰεὶ ῥ.*

Ст. 886 сл. Намекъ на дѣянія 1) Данаидъ, которыхъ, по принужденію выданныхъ за своихъ двоюродныхъ братьевъ, сыновей Египта, по общему стовору зарѣзали ихъ въ брачную ночь (содержаніе Эсхиловой трилогіи „Данаиды“); 2) лемниннокъ, которая изъ ревности умертвила спондъ мужей и затѣмъ основала на Лемносѣ амазонское царство („Лемносское преступленіе“—содержаніе Эсхиловой трилогіи „Аргонавты“).

Ст. 1008. Храмъ Аѳины въ Иліонѣ упоминается уже Гомеромъ; его жрицей была Фенія, и туда въ VI в. Иліады Гекуба снаряжаетъ умоливательную процессію женщинъ.

Ст. 1067 сл. Соотношеніе между испускающимъ свѣтъ солнцемъ и воспринимающимъ его глазомъ у древнихъ нерѣдко понимается какъ родство, что повело къ такимъ метафорамъ, какъ „солнце—око неба“ и т. п. Отсюда дальнѣйшее мнѣніе, что богъ-Солнце исцѣляетъ слѣпоту: ослѣпленный Оріонъ отправляется къ Гелію и благодаря ему вновь становится зрчимъ (драма Софокла „Кедаліонъ“, см. Софоклъ III 393).

Ст. 1109 сл. Агамемнонъ хочетъ сказать, что горное это не осталось спокойнымъ, но, отражая крикъ Полиместора, усилло его.

Ст. 1185 сл. Можно сказать, что хоръ защищается довольно слабо; но это Еврипидомъ такъ устроено нарочно. Ср. Андр. 954 сл. и комм.

Ст. 1187. Одна изъ любимыхъ темъ Еврипида; ср. Вакх. 266 сл.

Ст. 1202. Согласно драмѣ-предшественницѣ, повнявшей на оригиналь Пакувіевой „Иліоны“, Агамемнонъ дѣйствительно общается Полиместору свою дочь Электру въ жены за убійство Полидора.

Ст. 1267. О вѣщей силѣ (оракулскаго) Діониса см. Вакх. 298 и комм.

Ст. 1275 сл. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что въ изображеніи смерти Агамемнона Еврипидъ слѣдуетъ Эсхиловой традиціи, согласно которой Клантеистра убила его въ ваннѣ, набросивъ на него плащъ, изъ котораго онъ не могъ выпутаться („хрѳовая купель“).—а не Софокловой (въ „Электрѣ“), по которой онъ былъ убитъ за столомъ.